

И.В. ПАЛАШЕВСКАЯ
(Волгоград)

СТАТУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются статусные характеристики участников судебного дискурса: институциональная позиция и её интенциональные взаимосвязи с другими позициями в институциональном коммуникативном пространстве, жанровая модальность коммуникативного действия, формульная организация дискурса.

Ключевые слова: *судебный дискурс, институциональный статус, коммуникативная роль, модальность коммуникативного действия, скрипт коммуникативного поведения, судебный церемониал.*

С позиции теории социального действия [3] судебный дискурс – это, прежде всего, организованное взаимодействие определённых лиц в определённых обстоятельствах соприсутствия. Условием участия в судебном дискурсе является наличие юридически закреплённого статуса. Без формально-юридического признания субъект не может быть участником судебного дискурса и исполнять определённые функции. Статусные характеристики упорядочивают взаимодействие в институциональной среде. Они позволяют участникам дискурса предвидеть поведение других участников и планировать собственные действия. Изучение речедетельностного проявления статусных характеристик дискурса выявляет то, как выстраиваются диалоги в каждый данный момент, каковы принципы построения коммуникативных событий, внутреннее устройство институциональной жизни.

Статусные характеристики участников судебного дискурса определяются их следующими признаками: а) институциональная позиция и её взаимосвязи с позициями других участников в ситуации общения (судья, подсудимый, прокурор, адвокат, свидетель, потерпевший, эксперт и т.д.); б) жанровая модальность коммуникативного действия (стороны ходатайствуют, судья выносит решение, свидетель даёт показания и т.д.); в) формульная организация дискурса (стереотипные конструкции, отражающие принятые в данной лингвокультуре нормы коммуникативного поведения в определённую эпоху).

Базовой характеристикой институционального общения выступает наличие системы взаимосвязанных позиций, в соответствии с которыми участники дискурса выполняют свои функции. Институциональная позиция определяет права и обязанности участника дискурса, типы речевых действий в устойчивых ситуациях и подразумевает спектр коммуникативных возможностей и ограничений – то, что в антропологии принято называть «культурными рамками», которые соотнесены с рамками позиций других участников. Каждый участник дискурса вынужден учитывать наличие других, а выбор действий одного обычно зависит от возможного поведения остальных. Возможности и ограничения для участника дискурса регламентируются набором формальных и неформальных соглашений, процедурой высказывания определённых слов в определённых обстоятельствах. В ситуативных фрагментах институциональной практики от лица, занимающего определённую позицию, ждут должного речедетельностного проявления.

Ментальные модели должного участия в дискурсе находят свою экспликацию уже на уровне пространственной организации происходящего. Пространство зала суда наделяет значением институциональные отношения. Локализация участников дискурса в пространстве зала суда обуславливает траектории и модальность коммуникативных связей между ними. Символически решение коммуникативного пространства выражено в делении процессуальной зоны на подзоны и в уровнях пола этих подзон. Функция судьи как независимого арбитра символически выражается в том, что его место находится на возвышении. В российских судах уровень пола подзоны для суда (судьи и заседателей) должен на 45 см превышать уровень зала, а уровень пола для остальных участников процесса – на 15 см. Волеизъявление сторон направлено друг к другу через судью. Такого рода расстановка фигур – способ демонстрации статуса, она подразумевает ряд церемониальных жестов, совокупность правил обращения к лицу, занимающему определённую институциональную позицию. Судебный церемониал выражен и в стереотипных речевых формулах. Эти формулы определённым образом организованы, клишированы, устойчивы; они всякий раз повторяются. Церемониальная составляющая судебного дискурса отражает внешнюю форму поведения всех

участвующих в дискурсе лиц. Так, все присутствующие обращаются к суду, дают свои показания и делают заявления стоя; все участники дискурса используют институционально закреплённые формулы обращения к суду. Церемониал диктует то, как разыгрываются диалоги. В судах можно наблюдать определённую долю церемониальной вариативности, однако она задана нормами или традицией, которые навязываются императивным образом в виде само собой разумеющихся предписаний или запретов. Церемониальное действие выступает в качестве сообщения о признании статуса другого лица. Нарушение этих правил вызывает негативную реакцию, т.к. оно может быть связано с намеренным понижением статуса участника коммуникативного события. С данных позиций интерес вызывает фрагмент судебного диалога: *Судья: Будут ещё вопросы? Г. М-вич? Адвокат: Да. Судья: Г. М-вич, у нас все встают, кроме Вас. Адвокат: Прокурор не обязана вставать. Судья: Она вставала. Адвокат: Она не обязана вставать. Если она считает, что ей... Прокурор: Зачем Вы защищаете права прокурора? Адвокат: Извините, нужно как-то просвещать... Прокурор: Меня не надо просвещать. Адвокат: Ну, Вы обязаны вставать или нет? Не обязаны вставать. Я не обязан вставать. Я профессиональный защитник, я адвокат, в отличие, простите, от других участников процесса, подзащитного. Ну, Ваша честь, по-моему, я говорю очевидные вещи. Судья: Хорошо. Присаживайтесь, пожалуйста. Адвокат: Вы согласны со мной? Судья: Присаживайтесь. Адвокат: Спасибо. Прокурор: Ваша честь, я хотела бы просто отметить. Господин адвокат, Г. М-вич, в следующий раз, когда будете решение суда оспаривать, не надо начинать с прокурора. Начинать с суда, если Вам адресовано какое-то замечание. Адвокат: На замечание прокурора я должен ответить. Дело в том, что я упомянул Вас, потому что, может быть, у Вас так принято, что всегда встают прокуроры, может быть, Ваша честь, Вы считаете, что прокуроры... извините, слава Богу, я тридцать лет уже адвокат, могу Вам сказать ... . Судья: Мы Вас слушаем внимательно. Адвокат: ... Адвокаты не должны вставать. Вы встаёте – Ваше дело – пожалуйста. Судья: Ну, мы же разъясняли. Г. М-вич, пожалуйста, можете задавать вопросы свидетелю. Отказ адвоката от следования церемониальным конвенциям провоцирует выяснение того, не связан ли он с сознательным понижением статуса суда («у нас все встают, кроме вас»). Допустимые отклонения от такого рода существенных формальностей происходят в соответствии с определёнными правилами, постулатами вежливости, соблюдение которых позволяет не переходить черту, за которой действия лица квалифицируются как неуважение к суду. Эти правила подразумевают объяснение некоторой рациональной уважительной причины отказа: *Я не встаю не потому, что я вас не уважаю, а потому, что я – адвокат, а адвокат не должен вставать*. Объяснение в подобных случаях выступает в качестве дополнительного компонента статусно-маркированной ситуации, оно направлено на восстановление взаимопонимания и сохранение статусных корреляций.*

Корреляции статусных позиций участвующих в дискурсе лиц проявляются уже на уровне вокативов. Контактная форма взаимодействия регламентируется набором формальных и неформальных этикетных соглашений, формирующих особую культуру взаимных обращений. Приведём пример из прошлого: *Подсудимый: Товарищи судьи... Председательствующий: Мы Вам не товарищи! Подсудимый: А как я должен обращаться к суду? Председательствующий: Нужно говорить: «Гражданин судья»*. *Подсудимый: Я не преступник и не хочу обращаться к суду так, как к власти должны обращаться преступники...* Диалог заканчивается тем, что подсудимый стал обращаться к суду и обвинителю «Достопочтенный суд» и «Многоуважаемый прокурор» [2, с. 110]. Приведённый пример иллюстрирует намеренное нарушение этикетных конвенций в жанровом формате судебного заседания (в то время при обращении арестованных, заключённых, а также подсудимых к представителям правоохранительных органов принято было говорить только *гражданин: гражданин судья, гражданин прокурор, а не товарищ*). Суд настаивает на статусно неравном диалоге. Подсудимый, после неудачных попыток создать паритетный контекст взаимодействия, подчёркнуто увеличивает дистанцию посредством формул обращения, которые в 1975 г. (пример относится к этому времени) рассматривались как нарочитые и резали слух. Сегодня нормативно установлено обращение к судье «Ваша честь», к суду – «Уважаемый суд». Данный диалог демонстрирует то, насколько значимо обращение к лицу в социальной публичной ситуации. Эта значимость заключается в том, что, выступая символическим обозначением статусной позиции субъекта в ситуации общения, обращение является знаком

отношения к нему и готовности к общению с ним в заданном институциональной культурой формате, диктует выбор соответствующих средств. «Гражданин» в данном историческом контексте эксплицирует презумптивное отношение, детерминированное лишь процессуальным положением лица, которого обвиняют в преступлении, и, соответственно, побуждает к обвинительному уклону процесса.

Значимость презентационной стороны статусного позиционирования позволяет говорить о перформансных свойствах дискурса. В судебном дискурсе важным является то, как происходит событие взаимодействия, как участники дискурса, занимая определённые позиции, исполняют свои роли, как это исполнение воспринимается ими самими и другими. Эта возможность взглянуть на себя со стороны и интегрироваться в восприятие другого лица возникает через дистанцию между субъектом и его действием. Участник дискурса, совершая определённые действия, подчёркивает это действие в ситуации общения (я – адвокат, а адвокат не должен вставать, я – адвокат, я должен придерживаться мнения подзащитного; так как он не признает вину, то моё отношение тоже: не виновен и т.д.). Выделяются акты, в которых эффект показывания действия создаёт действующее лицо. Это акты, выражающие отношение участника дискурса к своей роли (акты отказа от роли: заявление самоотвода, отказ от обвинения), акты демонстративного отстранения от нее. Приведём в качестве примера фрагмент из речи адвоката: *Моё положение как адвоката обвиняемого К. очень сложное и внутренне противоречивое. Поверьте мне, как человеку, было нелегко знакомиться подробно с материалами данного уголовного дела, находиться вот уже 10 месяцев с вами в зале заседания, видеть вас, убитых горем. Это сильный психологический стресс. Но вы меня должны понять, я адвокат. Я повязан с позицией своего подзащитного. Обвиняемый имеет право выбора, у адвоката его нет. Сегодня я защищаю не преступление, а отстаиваю права подзащитного своего. Моя задача – отыскать в деле все факты, оправдывающие или смягчающие положение моего подзащитного... И я надеюсь, что вы меня поймёте* [6]. Субъект не идентифицирует себя полностью с действием, осознанно исполняет его для других и подчёркивает это дистанцированное исполнение.

Выделяются акты, в которых эффект показывания создаёт не действующее лицо, а наблюдатель. Это акты – реакции на исполне-

ние роли другого (заявление протеста, заявление ходатайства об отводе, обжалование действий, замечание, разъяснение), например, если этот другой поступает вопреки своим статусным возможностям, претендует на исполнение чужой роли: *Судья: Вам понятно предъявленное обвинение? Подсудимый: Нет, Ваша честь. Мне сущность предъявленного мне обвинения абсолютно непонятна... .... и я просил бы разъяснить мне эти обстоятельства для того, чтобы я хотя бы начал понимать, в чем меня обвиняют. Судья: Вас обвиняют в том, что Вы совершили клевету, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержащихся в публичном выступлении.... Адвокат: Ваша честь, я вынужден заявить возражения на Ваши действия. У нас происходит разбирательство дела по принципу состязательности. Судья: Естественно. Адвокат: Функции суда отделены от функций сторон.... Обвинение разъясняет тот, кто его предъявляет. Ваша честь, если Вы начинаете разъяснять обвинение, Вы берете на себя функцию обвинения... В таком случае надо предложить господину прокурору разъяснить вот это обстоятельство... Судья: Для этого, естественно, у нас и назначен судебный обвинитель. Адвокат: Я говорю о том, что Вы начали, Ваша честь, разъяснять. Судья: Я могу только разъяснить статью, больше разъяснить я ничего, естественно, не буду и не имею на это права. Слушаю государственное обвинение. Условием судебного взаимодействия является чёткое разделение функций субъектов, недопущение вмешательства в компетенцию другого лица. Субъект, который обязан вести себя определённым образом, противопоставляется субъекту, присваивающему себе чужой статус (в данном случае, статус обвинителя). Диалог интересен тем, что совмещает в себе акты критического наблюдения (вы начинаете разъяснять) и акты самонаблюдения (я могу разъяснить только статью), участники дискурса создают эффект показывания исполнения роли вместе.*

К типу актов, направленных на роль другого, относятся разъяснения, экспонирующие коммуникативные возможности адресата, соответствующие его институциональной позиции (*Вы имеете право возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, отказаться от дачи показаний*); акты, направленные на достижение интерактивного эффекта, т.е. на признание должного

исполнения роли (*Подсудимый, вам понятно, в чем вы обвиняетесь?*), и его закрепление (*Вопросов по установочным данным у участников процесса не имеется*), акты удостоверения факта надлежащего производства действий (*С моих слов записано верно и мною прочитано*); акты-превентивы, выступающие способом воздействия на развитие дискурса (*Свидетель, вы предупреждаетесь об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307–308 УК РФ*). Особую группу высказываний образуют акты согласования действий: *Прокурор: Предлагаю следующий порядок исследования доказательств по делу: допросить потерпевшую, допросить свидетелей, исследовать письменные материалы дела, допросить потерпевшую. Потерпевшая: Не возражаю против предложенного порядка. Адвокат: Не возражаю. Подсудимый: Не возражаю*. Эти акты направлены на совместное воспроизведение заданного процессуальными нормами порядка, чтобы выстроить взаимодействия здесь и сейчас снова, используя закреплённые за каждой институциональной позицией коммуникативные ресурсы, возможности.

Рассмотренные выше единицы – типы высказываний, которые сообщают о действии, описывают его прошлое, настоящее или будущее исполнение, а также являются действиями, проявлением перформативной активности, фактом участия в дискурсе и влияния на него.

Способность оказывать влияние на других, добиваться от других участников желаемых действий при выполнении собственных функций является необходимым условием участия в судебном дискурсе. Степень влияния выражается в заданности либо открытости реакций на различные формы побуждений субъекта, обращённых к другим субъектам в конкретных ситуациях общения. В одном случае субъект в силу своей обязанности связан необходимостью исполнения требуемых от него действий и жёстко заданной реакцией на побуждение другого, в ином случае он не связан обязанностью действовать и реагировать определённым образом. Такого рода возможности актуализуются лишь в связке позиций в ситуации институционального взаимодействия. Связи между институциональными позициями задают модальность дискурса и определяют степень свободы действий и реакций на них в институциональных структурах. Степень свободы адресата варьируется от нулевой отметки, соотносящейся с различными ситуациями применения принуждения, т.е. внешнего воздействия на поведение того или иного лица с целью беспрекословного подчинения

воле действующего лица, до предоставления свободы реакции на его действия. Роли участников статусно-маркированной коммуникации моделируются при помощи категорий падежной (ролевой) грамматики (case grammar) и являются универсальным набором ролей, которые предусмотрены повторяющимися фрагментами институциональной практики, обозначаемыми глаголами «обвинять», «осуждать», «оправдывать», «ходатайствовать», «обжаловать», «допрашивать», «постановлять» и т.д. Применительно к ситуациям судебного дискурса, построенного по модели противных сторон, можно выделить: 1) *агенса* (agens «действующий») – инициатора действия по отношению к другим участникам коммуникации; 2) *контрагенса* – лицо, с которым агенс совершает разнонаправленные действия; 3) *пациенса* (patients) – лицо претерпевающее, одушевлённый объект целенаправленной деятельности агенса; 4) *реципиента* (recipient) – лицо приобретающее; 5) *респондента* – вышестоящее лицо, к которому обращается агенс; 6) *суперагенса* – участника ситуации, от имени и в соответствии с волеизъявлением которого агенс выполняет то или иное действие по отношению к пациенсу (реципиенту), контрагенсу или респонденту. По степени свободы действия участники статусно-маркированной ситуации располагаются в убывающей последовательности: *суперагенс – респондент – агенс – контрагенс – пациенс (реципиент)* [7, с. 144].

Пациенс – единственная из выделяемых позиций, чье волеизъявление лишено значимости в актуализируемой агенсом ситуации взаимодействия. Его роль пассивна и волеизъявление не существенно для реализации ситуации. Эту роль предусматривают ситуации принуждения. Лицо, которое задерживают, в отношении которого производят личный досмотр, которое подвергается освидетельствованию, экспертному исследованию, принудительному приводу, удалению из зала судебного заседания и т.д., ситуативно лишено своего волеизъявления. В ситуациях принуждения пациенс, независимо от своего согласия, выступает как лицо претерпевающее, объект целенаправленных усилий действующего лица. Принуждение негативно по своей природе, направлено на ограничение прав и свобод личности, в отличие от восстановительно-компенсационных действий. Так, речевой акт оправдания предполагает аннулирование выдвинутых против лица обвинительных формул и соответствующих процессуальных актов, принятых на стадии предварительного расследования, и, таким

образом, восстановление статуса лица, предшествующего его привлечению к уголовной ответственности. Как правило, в коммуникативных ситуациях властно-распорядительного воздействия (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесение обвинительного приговора), предполагающего негативное изменение статуса лица (обвиняемый – осужденный), роль пациенса совмещается с ролью реципиента. Эта роль в судебном дискурсе предполагает приобретение некоторых возможностей, в случае использования которых лицо выступает в качестве агенса.

Роль пациенса актуализируется также в ситуациях завуалированной или прямой интеракциональной дискриминации, асимметрии реальной возможности участия в дискурсе, влияния на его развитие. Типы построения судебного дискурса в различные времена обнаруживают вариативные переходы от жёсткого противопоставления субъекта власти объекту к взаимодействию между властью и гражданами, наделёнными и защищёнными необходимыми правами, поднимающими их до статуса субъекта. В состязательном типе судебного дискурса роль пациенса ситуативно привязана к тому или иному лицу. Вместе с тем одна и та же конкретная ситуация может по-разному осмысляться её участниками, одним и тем же позициям могут приписываться разные семантические роли. Так, например, ситуация обвинения предполагает отношения, в которых обвинитель (агенса) противопоставляется обвиняемому (контрагенсу), а само обвинение является своего рода вызовом защите. Вместе с тем роль контрагенса трансформируется в роль пациенса в случае пассивности лица, обвиняемого следствием в совершении преступления (если она не является тактическим ходом), когда обвиняемый выступает в качестве «зрителя» действия, решающего его судьбу. И наоборот, пациенс становится действующим лицом, например, в ситуации обжалования незаконных решений и действий принудительного характера, инициативных обращений с целью рассмотрения и разрешения определённого процессуального вопроса в предстоящий момент движения дела. Лицо, к которому обращается агенса за защитой или реализацией своих прав, выступает в качестве респондента. Заявление, исковое заявление, представление, жалоба на акты правосудия образуют диалогические связи с судебным актом в диаде «агенса – респондент».

Особенность состязательного построения судебного дискурса состоит в невозможности сторон прямо и принудительно воздейство-

вать друг на друга. На протяжении судебного процесса стороны обращаются к суду (респонденту) с ходатайствами, которые суд может удовлетворить или отклонить. Речевые акты суда как носителя власти по отношению к той или иной стороне авторитарны, в отличие от актов сторон, адресованных судье. Вместе с тем все участники коммуникативной ситуации действуют на основании закона, проявляя в своих интенциях волю законодателя (незримо присутствующего суперагенса в ситуациях судебного дискурса). Участники процесса в своих требованиях подчиняются не одному другому, а лишь правовым нормам. С данных позиций, «требуя от суда законного решения, сторона почти так же властно воздействует на суд, как и суд на данную сторону» [1]. Отсюда протест на действия судьи, содержанием которого выступает категоричное требование действующего лица к другому действующему лицу (в связке *агенса – контрагенс*), – столь же естественная форма правового суждения, в которой сторона может донести своё мнение до суда, как и ходатайство, т.е. мотивированная просьба агенса к респонденту. Вместе с тем настоятельные требования в судебном дискурсе выступают категорическими побуждениями, в которых утверждается единственно возможное действие адресата не в силу статусных характеристик говорящего, его права настаивать, а в силу доводов, приводимых в обоснование требования. Суд принимает то или иное решение, исходя из законности и обоснованности требования стороны. Отсюда жанровые формы, дифференцируемые по способу воздействия на адресата, не должны предполагать преимущества за государственным прокурором, который, приняв решение обжаловать приговор, вносит апелляционное или кассационное представление, в то время как такое же обращение защитника именуется жалобой.

В отличие от пациенса, контрагенс – действующее лицо, с которым взаимодействует агенса. В этой диаде стороны могут совершать конкурирующие процессуальные действия, т.е. выступать как непримиримо конфликтующие стороны, а также действия, направленные на поиск сближающего решения с учётом обоснованных взаимных интересов. Роль контрагенса может трансформироваться в роль коагенса в ситуациях примирения. Коагенс может выступать как вспомогательный агенса, помощник, играть инструментальную роль. Приведём пример становления такого рода ролевого соотношения в паре «адвокат – подсудимый» через постановку вопросов в следующем фрагменте допроса: *Председательствующий:*

Как вы можете пояснить, что из протокола допроса следует, что вы свободно излагали события преступления, а не путём вопросов и ответов? Подсудимый: Я ничего не могу пояснить по этому вопросу. Адвокат: Оглашённые показания, данные вами на предварительном следствии, кто записывал? Подсудимый: Оглашённые показания записывал следователь. В жанре допроса эти роли непостоянны. В одном случае агент на свой вопрос получает «желательный» ответ, поддерживающий отстаиваемую им точку зрения, в другом случае – «нежелательный», и тогда роль допрашиваемого меняется, он вольно или невольно становится коагентом в паре с противной стороной.

Данный метод описания семантики коммуникативных ситуаций позволяет рассматривать роли участников дискурса как особые типы модального отношения, выявлять избирательность институциональных взаимодействий и возможность сочетания ролей (ролевые рамки), доминантные роли и их трансформации на протяжении всего его развития, определять типы скриптов коммуникативного поведения в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. С. 144.
2. Костанов Ю.А. Слово и «дело»: судебные речи: избранное. М.: Verte, 2007. С. 110.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалёва; под ред. М.С. Ковалёвой. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 18.
4. Смирнов А.В. Типология судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
5. Стенограмма судебного заседания по уголовному делу Орлова О. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2010/09/24/2409101.htm>.
6. Стенограмма судебного 61 заседания Верховного суда Северной Осетии по делу Кулаева Н.А. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdabeslana.ru/61-160206.htm>.
7. Fillmore C.J. The Case for Case Reopened // Grammatical Relations. N.Y. etc., 1977. P. 59–81.

* * *

1. Karasik V.I. Jazyk social'nogo statusa. M.: Gnozis, 2002. S. 144.
2. Kostanov Ju.A. Slovo i «delo»: sudebnye rechi: izbrannoe. M.: Verte, 2007. S. 110.
3. Parsons T. Sistema sovremennyh obshhestv / per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaljova; pod red. M.S. Kovaljovoj. M.: Aspekt Press, 1998. S. 18.

4. Smirnov A.V. Tipologija sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2001.

5. Stenogramma sudebnogo zasedanija po ugovolovnomu delu Orlova O. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.memo.ru/2010/09/24/2409101.htm>.

6. Stenogramma sudebnogo 61 zasedanija Verhovnogo suda Severnoj Osetii po delu Kulaeva N.A. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://pravdabeslana.ru/61-160206.htm>.

7. Fillmore C.J. The Case for Case Reopened // Grammatical Relations. N.Y. etc., 1977. P. 59–81.

Status characteristics of court discourse participants

There are considered the status characteristics of court discourse participants: institutional position and its intentional correlation with other positions in the institutional communicative space, genre modality of communicative action, formula organization of the discourse.

Key words: *court discourse, institutional status, communicative role, modality of communicative action, script of communicative behavior, court ceremonies.*

(Статья поступила в редакцию 14.12.2015)

А.Р. КАЛАШНИКОВА
(Волгоград)

СИНТАГМА КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА РИТМА ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале газетной публицистики)

Показана синтагма как основная единица ритмической организации прозаического текста. Приводится ритмический анализ публицистического текста и выявляются индивидуально-авторские черты ритмической текстовой организации.

Ключевые слова: *синтагма, синтагматическое членение, ритмическая модель, ритмический строй, динамика ударности.*

Изучение ритма прозы как одного из текстообразующих факторов приобретает все большую актуальность в современной лингвистике, но в сфере интересов ученых оказыва-